

УДК 141.319.8

DOI 10.18522/2227-8656.2021.4.15

Тип статьи в журнале – научная

**КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ ВОИНСКОГО
ЭТОСА В КОНТЕКСТЕ
ИСКУССТВА ЖИЗНИ
И ПРАКТИК ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ**

**CULTURAL-PHILOSOPHICAL
DIMENSION OF MILITARY
ETHOS IN THE CONTEXT
OF THE ART OF LIFE
AND PRACTICES OF WAR**

© 2021 г.

*А. А. Казаков **

© 2021

*А. А. Kazakov **

*Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия*

*Platov South-Russian
State Polytechnic
University (NPI),
Novocherkassk, Russia*

Цель исследования заключается в экспликации культурного измерения воинского этоса, формирующегося в контексте практик ведения войны.

The purpose of the study is to explicate the cultural dimension of the military ethos that is being formed in the context of the practice of warfare.

Методологическая база исследования представлена интеграцией культурфилософского подхода и междисциплинарной социальной философии.

The methodological basis of the research is represented by the integration of a cultural-philosophical approach and interdisciplinary social philosophy.

Результаты исследования заключаются в обосновании того, что воинский этос конструируется не только войной, но и развитием мирной жизни. Воинский этос рассматривается в довольно высокой нравственной перспективе как духовное явление, во многом связанное с воспитанием человеческого рода. В данной связи рассмотрены мужество и долг в качестве ключевых компонентов формирования воинского этоса, а также выявлены различные аспекты воинского этоса, характерные для его отдельных носителей. Делается вывод о том, что воинский этос во многом формируется в результате снятия классовых противоречий, способствуя эгалитаризации современной культуры.

Research results are to substantiate the fact that the military ethos is constructed not only by war, but also by the development of a peaceful life. The military ethos is considered from a rather high moral perspective as a spiritual phenomenon, largely associated with the upbringing of the human race. In this regard, courage and duty are considered as key components of the formation of a military ethos, and various aspects of a military ethos that are characteristic of its individual carriers are identified. It is concluded that the military ethos is largely formed as a result of the elimination of class contradictions, contributing to the egalitarianization of modern culture.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим рассмотрением воинского этоса в контексте социального конструирования и предупреждения военных конфликтов.

Ключевые слова: воинский этос; воинская культура; офицеры; солдаты; добровольцы; мужество; долг; дифференциация воинского этоса; практики ведения войны; искусство жизни.

Prospects of the study are associated with further consideration of the military ethos in the context of social construction and prevention of military conflicts.

Keywords: military ethos; military culture; officers; soldiers; volunteers; courage; duty; differentiation of the military ethos; practices of warfare; art of life.

Введение

Значимость воинской деятельности состоит в том, что она во многом способствует трансцендированию человеческой природы, как бы обеспечивая выход человека за собственные биологические и тем самым «животные» границы. При этом человек, в отличие от животных, способен вести войну на полное уничтожение как себя, так и окружающей природы. Таким образом, сами практики ведения войны во многом формируют глобальные угрозы человечества, напрямую связанные с его выживанием в качестве отдельного вида. Ведение войны всегда требовало выдержки и напряжения всех экзистенциальных возможностей человеческого организма. «Выдержка при постоянной опасности, – отмечал К. Ясперс, – связанной с непредвиденной и непреодолимой случайностью, требовала, несмотря на изнурение, в определенные моменты присутствия духа для принятия решения» (Ясперс, 1991. С. 345). Поэтому умение воевать напрямую связано с искусством выживания, преодоления угроз и рисков, возникающих в процессе коммуникации с другими людьми. Но при этом формируются определенные правила войны, связанные с нравственным измерением постоянного участника военных событий.

Очевидно, что солдат-воин нуждается в длительном процессе воспитания, которое не сводится только лишь к муштре и дисциплинарным практикам, хотя последние играют в процессе образования современного воина существенную роль. В рамках воинского этоса происходит борьба человека со своими природными склонностями и желанием уйти от ситуации путём бегства, что, однако, для этических принципов солдата является неприемлемым, по сути дела аморальным поведением. Ведь не секрет, что именно после ужасных войн и преступлений люди пытались переосмыслить своё поведение, внедрить более высокие нравственные стандарты, направленные даже на осуждение и предотвраще-

ние войн или по крайней мере введение правовых ограничителей для чрезмерной (неконтролируемой) жестокости.

Вместе с тем военные практики представляют собой целерациональный тип поведения, в котором могут быть довольно точно реализованы боевые задачи. Но при этом очень многое зависит от командования, от таланта и умений генералов планировать операции, давать приказы наступать или отступать в подходящий для этого момент. Поэтому сами военные полагают, что многое в бою зависит от удачи и везения даже самых подготовленных войсковых соединений. Таким образом, современная война предстает как система довольно сложных вычислений и планирования, которая, однако, при этом вовсе не исключает событийность, вторжение в её ткань случайности, вызывающей непредсказуемые последствия, не в последнюю очередь связанные с военной удачей. Следовательно, необходимо признать, что носитель воинского этиosa также взаимодействует в своей практике с иррациональными аспектами человеческого существования.

Мужество и долг в структуре формирования воинского этиosa

Война представляет собой явление амбивалентное в том смысле, что она, по мнению целого ряда философов, может служить целям преобразования культуры и самого человека. Война может научить человека оставаться нравственным даже в самых сложных ситуациях, подтолкнуть его к жертве собой ради спасения близких или просто ни в чём не виновных людей. Поэтому в воинском этиose можно обнаружить часто глубоко скрытый религиозный смысл о судьбе и предназначении человека. В данной связи русский философ Н. А. Бердяев отмечал, что сама война «не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло» (Бердяев, 2012. С. 238). Соответственно, и в мировой культуре встречаются вполне противоположные оценки войны – от полного отрицания до крайней степени восхваления, увлечения войной. При этом в самом воинском этиose, как правило, формируются срединные установки по отношению к самой войне, т. е. она принимается, но при этом осознаются негативные аспекты войны, приводящие к страданиям и потере ближних, в том числе соратников по оружию. «Война – порождение греха и искупление греха. Война говорит о трагизме жизни в этом мире, о невозможности в нём окончательного устроения, спокойствия и бесконечного благоденствия и благополучия» (Бердяев, 2012. С. 238). Моральная проблема заключается в том, что однозначно нельзя считать грешником солдата, выполняющего свой долг, тем более если он давал присягу защищать свою Родину. Несомненно, сама война свя-

зана со смертью, но при этом она только лишь ускоряет смерть, делает более явным и ужасным её проявление.

Очевидно, что без опоры на вооруженные силы не смогли бы в полной мере состояться цивилизации древности и многие передовые государства современности. Но вместе с тем войска должны обладать не только своей корпоративной культурой и внутренней этикой, но и этикой, интегрированной в культурные ценности того общества, которые армия представляет на международной арене. Поэтому мы считаем верным различать собственно воинский этос, характеризующий солдат и офицеров регулярных частей, и этос «солдат удачи», бойцов, действующих от имени частных военных компаний. «Армия – ключевая опора любой цивилизации. Это – важная ипостась народа. Свою современную армию Россия выращивала, как и науку, 300 лет. В армии воплощены главные смыслы и коды культурных ценностей и мировоззренческих установок.

В 90-е гг. делались попытки изменить культурный и мировоззренческий тип российской армии, превратить её в “силовую структуру”, равнодушную к проблеме добра и зла. Армию – защитницу народа хотели переделать в профессиональное “охранное предприятие”. Это не удалось и не удастся. Но вынуть из армии духовный стержень и лишить боеспособности возможно... Потеря своей национальной армии – фундаментальная угроза. Эта угроза может при её реализации вызвать мультипликационный эффект распада многих культурных норм» (Кара-Мурза, 2010. С. 33–34). Таким образом, оказывается, что вполне регулярные армии могут быть лишены собственного национального облика, превратившись в силовые организации по найму. Кроме этого, культура действующей армии может также претерпеть изменения под влиянием этнических культур представителей тех народов, преимущественно иммигрантов, которые, например, в ближайшем будущем будут играть в войсках существенную роль.

Воинский этос не формируется в безвоздушном пространстве, а находится в тесной взаимосвязи с культурой и политическим устройством различных государственных образований. По мнению И. Канта, войну необходимо осмысливать исходя из понимания важности мира и тех угроз общественному порядку, которые приносит с собой война. Так, например, при республиканском строе война в случае своего начала может втянуть в себя значительную часть незаинтересованных в ней представителей гражданского общества, поэтому такое устройство государства содержит в себе ресурсы сдерживания военной политики. «Напротив, при устройстве, в котором подданный не есть гражданин

(следовательно, не при республиканском), этот вопрос вызывает меньше всего сомнений, ведь глава [здесь] не гражданин, а собственник государства; война нисколько не лишает его пиров, охоты, увеселений, празднеств и т. п., и он может, следовательно, решиться на нее по самому незначительному поводу, как на увеселительную прогулку, равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать приличия ради какое-нибудь оправдание» (Кант, 1994. С. 379). Следовательно, буржуазия или представители третьего сословия оказываются в меньшей степени заинтересованы в войне, чем, например, потомственные аристократы, в той или иной степени сохраняющие воинские традиции своих родов. Конечно, в эпоху И. Канта европейские войны ещё были далеки от достижения в дальнейшем чудовищного размаха. Тем более что постоянно вспыхивающие в Европе войны не могли быть восприняты, например, по аналогии с катастрофой лиссабонского землетрясения. Таким образом, воинский этос, существовавший в период самовластных монархий, был в целом более устойчив к «капризам» королевской военной политики, а сами аристократы, составляющие ядро офицерского корпуса, также порой воспринимали войну по аналогии с охотой и забавой своего государя.

Вместе с тем можно вполне согласиться с М. Вебером в том, что профессиональная воинская деятельность и служба формируют особый тип воинского мировоззрения. Как бы ни рационализировалась война в силу применения высоких технологий и технически изощренных средств уничтожения противника, в ней всегда сохраняются довольно сильные иррациональные элементы, проявляющиеся вследствие нестабильности и незащищенности положения человека в структуре мирового бытия. Таким образом, человек пребывает в тревоге, поскольку не считает себя полностью защищенным. «Внутреннее приятие смерти и иррациональность человеческой судьбы для война – дело повседневности, а шансы и события посюстороннего бытия настолько заполняют его жизнь, что он неохотно принимает религию и не требует от неё ничего, кроме защиты от злых сил, а также церемоний, адекватных его сословному достоинству и являющихся компонентами сословной конвенциональности, впрочем, и молитв о победе или счастливом пребывании после смерти на небесах вместе с другими героями» (Вебер, 2012. С. 150). Отличительной чертой воинского этоса, таким образом, выступает мужество, которое зачастую специально культивируется как особая установка презрения к собственной смерти.

В определенной степени можно говорить и о процессе рутинизации восприятия смерти для представителей воинского этоса, которое в

мирное время, правда, может существенно притупляться. Вместе с тем можно предположить, что по крайней мере на ранних этапах своего становления воинский этос формировался в условиях естественной свободы, в противопоставлении себя труду, обычаям и авторитетам. Не исключено, что движущим мотивом вооруженной борьбы могло стать восстание против рабства и тягостного господства, напрямую связанное с непослушанием действующей власти.

Типы дифференциации воинского этоса

По мере развития цивилизации формировался профессиональный воинский этос, во многом основанный на дисциплине, послушании и довольно жесткой субординации. Кроме этого, можно говорить о том, что в связи с упадком внеэкономического принуждения к труду в эпоху капитализма воинский этос лишился значительной части своих властных функций, а сами воины прошли эволюцию от властителей (и завоевателей) до служащих (государству, народу, обществу). Вместе с тем по мере развития систем высокоточного оружия и прекращения тотальных (мировых) войн в большинстве армий мира наблюдается рост профессиональных военных и добровольцев.

Уточнения, которые необходимо сделать в отношении воинской культуры и, соответственно, воинского характера, во многом связаны с преобладающим армейским типом, составляющим костяк рассматриваемой военной структуры. Так, например, важно, идёт ли речь о добровольцах, и совсем другое дело, когда перед нами солдаты, которые просто не смогли уклониться от призыва или в той или иной степени насильно были мобилизованы в действующие войска. «Добровольность исполнения воинского долга, – по мнению Р. Хенриксен, – это скорее необходимая, чем достаточная причина существования сегодняшней полностью вербованной армии, поэтому отмечать существование добровольности – не значит объяснять ее. Однако добровольность может иметь разные слои, добровольное поступление на службу – это не то же самое, что добровольная запись в силы спецопераций» (Хенриксен, 2020. С. 310). Поэтому в той или иной степени мотивация как способность к добровольной воинской службе определяется степенью риска, которую военный служащий может себе позволить. Далек не каждый доброволец готов даже через какое-то время отправиться жертвовать своей жизнью на передовую, не говоря уже о том, что многие желают воевать удаленно, управляя на дистанции боевыми дронами, роботами и ударными беспилотниками. Очевидно, что воинский характер операторов беспилотных роботов, а также их военная мотивация и психоло-

гия существенно отличаются или уклоняются от классических (например, суворовских) образцов восприятия военной службы и ведения непосредственного боя. Скорее их боевые практики можно сравнить с компьютерными сетевыми играми, когда противники в виде определенных целей возникают на экране монитора.

Собственно реальный боевой опыт, несмотря на его возможную травматичность для психики воина, должен быть особым образом зафиксирован в его памяти и сознании. Ведь профессиональный воин должен быть готов участвовать в бою не случайным образом, а в любой момент, когда потребует командование. Например, солдаты из сил специальных операций могут быть в кратчайшие сроки переброшены для борьбы с террористическими угрозами. В любое время на боевом дежурстве солдат должен быть готов к уничтожению возможного противника и защите собственной жизни. Более того, в бою, где не нужно отбрасывать человеческий фактор, особой ценностью обладает опытный (уже обстрелянный) боец. Так, исследователи справедливо отмечают, что «если кто-то овладевает навыками ведения боя или чувствует себя наделенным этой способностью, то этот человек может быть готов участвовать в бою неоднократно. Именно добровольная готовность повторить боевой опыт говорит нам о чьей-то готовности сражаться» (Хенриксен, 2020. С. 310). Таким образом, способность к повторению боевого опыта добровольца свидетельствует также и о его устойчивости к экстремальным ситуациям и повышенным психическим нагрузкам.

Реальность несения военной службы в мирное или относительно мирное время, правда, накладывает на воинский этос свой отпечаток. В данной связи, хотя мы и описываем воинский этос как целостное явление культуры, важно провести существенные дистинкции между воинами и солдатами. Особенно подобное различие является актуальным для современной (относительно мирной) эпохи, когда многие военнослужащие, выбирая военную карьеру, даже не предполагают участвовать в боевых действиях, тем более не стремятся на передовую. «Воин обязательно должен быть прежде всего солдатом, но не все солдаты, на самом деле очень немногие, являются воинами. Кроме того, сказать, что солдат – это воин, значит отличить его от наемников, потому что солдат в конечном счете служит какому-то – обычно политическому – делу» (Хенриксен, 2020. С. 313). Таким образом, воин – тот, кто имеет боевой опыт, готов к нему или даже стремится к его повторению, военнослужащий или солдат (срочник или профессиональный доброволец) – тот, кто либо соблюдает воинскую повинность, либо служит за определенное жалованье. При этом, на наш взгляд, в обоих случаях можно говорить о

наличии воинского этоса, поскольку потенциально любой солдат или офицер, дававший присягу, может превратиться в полноценного воина, что в принципе и было продемонстрировано по итогам двух последних мировых войн.

Интересно отметить, что в современную эпоху воинская культура стала в большей степени объединять представителей воинских профессий, в отличие, например, от исторического периода классического Средневековья. Как бы ни выделялся офицерский корпус на фоне солдатского состава армии, первые в значительной степени отождествляют себя с последними. «Рыцарь, – пишет П. А. Сапронов, – несмотря на весь свой доблестный жизненный путь, по-прежнему считающий себя оруженосцем, утер бы нос своей фантазией самому Дон Кихоту Ламанчскому. Иное дело генерал. Несмотря ни на какой форсированный пафос, называя себя солдатом, он не лжет и не фантазирует. Пускай наш генерал вознесен своим генеральством на головокружительную высоту, с которой ему едва заметны простые солдаты, все равно полное отсутствие ощущения себя солдатом сделает его еще и никудышным генералом» (Сапронов, 2001. С. 770). Таким образом, как бы мы ни отличали солдата от воина, офицера от солдата, они обладают общей идентичностью, основанной на символическом равенстве всех военных. Офицер на глубинном уровне считает себя солдатом, знает солдатскую долю и службу. Поэтому нет ничего удивительного, когда в рассуждениях о единстве воинского этоса возникает тема воинского братства, которая, например, проходит красной нитью через все теоретические произведения великого русского полководца А. В. Суворова, который, несмотря на высокое дворянское и графское достоинство, также мыслил себя солдатом. Поэтому верно суждение, что «быть солдатом – это такое качество, которое уравнивает воинов самого высокого и самого низкого ранга, но уравнивает достаточно странным и неожиданным образом. Так, что высший приравнивается к низшему, да еще и усматривает в этом свое достоинство и преимущество. Что-то, значит, есть в низшем на самом деле не чисто низшее, а, напротив, возносящее его на высоту, недоступную тем, кто вроде бы и так на ней находится» (Сапронов, 2001. С. 770). Таким образом, можно констатировать единство воинского этоса и переживания солдатами и офицерами общей идентичности на базисном экзистенциальном уровне сознания.

Заключение

Итак, мы выяснили, что мужество – главная (в одном ряду с храбростью и воинской доблестью) характеристика воинского этоса, но это понятие должно подвергнуться соответствующей рационализации и обработке внутри культурфилософского дискурса. При этом *мужество* (греч. ἀνδρεία, лат. *virtus*), согласно Аристотелю, есть золотая середина между страхом и дерзостью (Аристотель, 2011), которая включает в себя страх как важный компонент, помогающий объективно оценивать боевую обстановку. Отмечается, что важную роль в формировании воинского этоса могли принимать религиозные компоненты, притом что институционализация жестокости всегда выступала существенной составляющей военного дела и призвания. Тем не менее история войн за веру показала относительную эффективность религиозной индоктринации населения в целях военной мобилизации, поскольку победу одерживали все-таки более искусные или значительно более удачливые воины, обладающие соответствующей организацией и мотивацией к сопротивлению. Более того, иногда военные корпорации выступали главными носителями и распространителями определенного типа универсально-религиозной культуры, который, однако, также мог быть усвоен лицами других профессий (крестьяне, купцы и т. д.).

В заключение делается вывод, что специфика воинского дела принимает такой оборот, что в рамках воинского этоса могут вполне в гегелевском смысле сниматься классовые противоречия. Конечно, речь может идти об особой символической стратегии и связанных с ней ритуалах, направленных на формирование всеобщей воинской идентичности. Но при этом подобная культурная политика вполне связана с конкретным опытом боевых действий, когда генералы сражаются на передовой плечом к плечу со своими солдатами. Здесь важно не только уважение к низшим по званию солдатам, но и отождествление с ними на базовом этическом уровне.

Литература

- Аристотель. Этика. М.: АСТ: Астрель, 2011. 492 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. 624 с.
Вебер М. Избранное: образ общества. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 767 с.
Кант И. Сочинения на немецком и

References

- Aristotle. (2011). *Ethics*. Moscow: AST: Astrel Publ. (in Russian).
Berdyaev, N. A. (2012). *Philosophy of Inequality*. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ. (in Russian).
Weber, M. (2012). *Favorites: The Image of Society*. Saint Petersburg: Tsentr gumani-tarnykh initsiativ Publ. (in Russian).
Kant, I. (1994). *Compositions in Ger-*

русском языках. Т. 1. М.: Ками, 1994. 584 с.

Кара-Мурза С. Г. Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации. М.: Яуза-пресс, 2010. 381 с.

Сапронов П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб.: Церковь и культура, 2001. 815 с.

Хенриксен Р. Путь воинов: этюды по западной военной психологии. СПб.: Алетейя, 2020. 356 с.

Ясперс К. Духовная ситуация времени. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Для цитирования: Казаков А. А. Культур-философское измерение воинского этоса в контексте искусства жизни и практик ведения войны // Гуманитарий Юга России. 2021.4 (50). С. 195–204.
DOI 10.18522/2227-8656.2021.4.15

Сведения об авторах

Казаков Александр Александрович

Преподаватель кафедры войск связи
военного учебного центра,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

346428, г. Новочеркасск,
ул. Просвещения, 132,
e-mail: kazak.platon82@gmail.com

man and Russian. Moscow: Kami, 1. (in Russian).

Kara-Murza, S. G. (2010). Russia is under attack. Threats to Russian civilization. Moscow: Yauza-press Publ. (in Russian).

Sapronov, P. A. (2001). Power as a metaphysical and historical reality. SPb.: Tserkov' i kul'tura Publ. (in Russian).

Henriksen, R. (2020). The way of warriors: studies in western military psychology. Saint Petersburg: Aleteya Publ. (in Russian).

Jaspers, K. (1991). Spiritual situation of time. The meaning and purpose of history. Moscow: Politizdat. (in Russian).

История статьи:

Поступила в редакцию – 25.05.2021 г.

Получена в доработанном виде –
09.07.2021 г.

Одобрена – 02.08.2021 г.

Information about authors

Alexander Alexandrovich Kazakov

Lecturer at the Department
of Signal Corps of the Military
Training Center,
Platov South-Russian State
Polytechnic University (NPI)

132 Prosveschsheniya St.,
Novocherkassk, 346428,
e-mail: kazak.platon82@gmail.com